

Цзян Чуан собрался быстро. Он отказался надевать многочисленные украшения и роскошные одежды, которые поднесли ему слуги.

Паршивый император знал, что генерал крайне неохотно согласился на этот брак, но был вынужден подчиниться, а значит, наверняка думал, что в душе Цзян Чуана кипит обида.

В прошлой жизни он был предан этому паршивому императору до глубины души. Хоть обида и тлела в его сердце, он не смел показать ее, а из-за болезни Вэнь Цзюэ они к тому же пропустили назначенный час возвращения во дворец.

Вернувшись тогда во дворец, Цзян Чуан нацепил на себя все императорские дары и пал ниц, искренне благодаря за величайшую монаршую милость. Каким же преданным он тогда казался!

И все же император заподозрил его в коварстве – мол, если тот способен стерпеть даже такое унижение, у него наверняка есть волчьи амбиции!

Впрочем, если правитель захочет обвинить подданного, повод всегда найдется.

Последующие события окончательно избавили Цзян Чуана от слепой преданности.

К черту почтение, к черту верность! Цзян Чуан твердо решил больше не притворяться. Так или иначе, паршивый император зависел от него: без поддержки генерала тому ни за что не удержаться на троне!

Пока Чаннин укладывал волосы Вэнь Цзюэ, Цзян Чуан стоял рядом и неотрывно наблюдал за его работой. У бедного слуги от этого взгляда руки задрожали, но генерал даже не замечал замешательства юноши.

Вэнь Цзюэ почувствовал неладное и, накрыв ладонь Чаннина своей рукой, мягко спросил:

— Что случилось?

Чаннин понизил голос:

— Генерал так смотрит... Мне страшно...

Но как бы тихо он ни говорил, Цзян Чуан со своим чутким слухом все прекрасно расслышал.

Генерал совершенно не смутился и прямо ответил:

— Занимайся делом, не обращай на меня внимания. Я просто хочу научиться этому мастерству, чтобы в будущем самому укладывать волосы Чжиюю.

Рука Чаннина на мгновение замерла. Он взглянул на отражение Вэнь Цзюэ в зеркале – тот оставался абсолютно невозмутим – и несмело кивнул:

— Слуга понял.

Вэнь Цзюэ коснулся своих волос:

— Тогда впредь буду рассчитывать на тебя, супруг.

Цзян Чуан шагнул вперед и сжал его руку:

— Лишь бы Чжуйюй не ругал меня за неумелость, если я случайно сделаю ему больно.

Вэнь Цзюэ позволил держать свою ладонь:

— А если сделаешь больно... что тогда? — Голос его звучал вполне серьезно, но в самих словах скрывался соблазнительный намек.

Перед таким Вэнь Цзюэ Цзян Чуан не мог устоять ни в прошлой жизни, ни в этой. Тем более теперь, когда между ними больше не было недомолвок, а сердце генерала переполняли глубокая нежность и жалость.

Цзян Чуан слегка сжал его мягкую ладонь:

— Когда Чаннин уйдет, я скажу тебе, что делать в таком случае.

Вэнь Цзюэ тихонько рассмеялся, и они оба замолчали.

Цзян Чуан любовался его отражением в зеркале: на лице юноши играла улыбка, черты его были прекрасны, словно сошли с картины. Вот только глаза оставались безжизненными и тусклыми, подобно стоячей воде в глубоком колодце.

В голове Цзян Чуана промелькнула внезапная мысль: раз уж произошло такое невероятное чудо, как его собственное перерождение на несколько лет назад, то почему глаза Вэнь Цзюэ непременно должны остаться слепыми?

Этот мир полон тайн и загадок, а значит, надежда есть всегда!

Эта крошечная надежда заронила в душу генерала и тут же пустила глубокие корни.

Когда пришло время выходить, Цзян Чуан сам занял место Чаннина, бережно взял Вэнь Цзюэ за руку и повел его за собой.

Для возвращения во дворец, чтобы выразить благодарность и принять дары, Вэнь Цзюэ не мог использовать трость для слепых. В таких случаях его обычно вел Чаннин, который фактически заменял ему глаза.

Как верный слуга мог доверить столь важное дело кому-то другому?

Тем более неотёсанному, грубому военному. Вдруг он проявит неосторожность, и Его Высочество упадет? Страдать ведь придется господину!

Слуга то и дело открывал рот, желая возразить, и хмуро, с тоской смотрел в спину Цзян Чуана.

Однако Вэнь Цзюэ лишь на секунду замешкался и без колебаний покорно пошел за мужем.

В душе Чаннина мгновенно забил сигнал тревоги: «Все пропало, мое положение под угрозой!»

«Этот генерал Цзян точно одержим бесами. Еще вчера холодно молчал при виде Его Высочества, а сегодня прямо-таки пылает страстью!»

«С самого утра только и думает, как отобрать мою работу. А Его Высочество еще и так благосклонен к нему... Кажется, мне больше не быть вторым по значимости человеком в сердце господина».

От одной этой мысли Чаннину казалось, что небо рухнет ему на голову.

Вэнь Цзюэ и понятия не имел о душевных терзаниях своего излишне чувствительного слуги. Все его внимание без остатка поглотил Цзян Чуан.

Пусть Цзян Чуан и был суровым воином, заботиться о других он умел на удивление ловко, бережно и предусмотрительно.

Он тихо нашептывал:

— Впереди три ступени, осторожнее... Вот так, шагай, отлично.

Вэнь Цзюэ еще плохо ориентировался в резиденции генерала, что заставляло его чувствовать легкую растерянность и тревогу. Внешне это никак не проявлялось, но он непроизвольно сжал руку мужа сильнее, невольно выдавая свое волнение.

Но под ласковый шепот Цзян Чуана юноша постепенно успокоился. Генерал не давал ему оступиться и не торопил, подстраиваясь под его неспешный шаг.

Когда они подошли к экипажу, Вэнь Цзюэ только открыл рот, чтобы поблагодарить, как супруг мгновенно отпустил его руку. До ушей юноши донесся едва различимый шепот Цзян Чуана:

— Чжией, пора играть спектакль.

Не успел Вэнь Цзюэ опомниться, как Цзян Чуан раздраженно цыкнул, подхватил его на руки и нарочито грубо проворчал:

— Какая морока.

Он с крайне недовольным видом усадил супруга в повозку и тут же отстранился, словно брезговал прикасаться к нему лишнюю секунду.

Чаннин от возмущения задохнулся:

— Ах ты!

Но, вовремя вспомнив о своем положении, поспешно подавил гнев.

Вэнь Цзюэ догадался о намерениях мужа. Его лицо по-прежнему светилось мягкостью, когда он негромко произнес:

— Благодарю вас, генерал.

При посторонних он всегда называл мужа «генералом». Обращение «супруг» наедине было лишь уловкой – хитрым ходом, призванным усыпить бдительность воина и обольстить его.

В прошлой жизни Цзян Чуан как-то раз до боли сжал запястье Вэнь Цзюэ и с покрасневшими от гнева глазами допытывался: хоть раз ли тот называл его «супругом» искренне, от всего сердца?

Но Вэнь Цзюэ тогда лишь промолчал. А Цзян Чуан, скрежеща зубами, глядел на это неописуемо прекрасное, обольстительное лицо и не мог поверить, что действительно попался на столь банальную уловку с мужской красотой.

А после... подчинил его себе в порыве страсти, силой заставив звать «супругом».

Но когда Вэнь Цзюэ подчинился, Цзян Чуан испугался собственного торжества и впился в его губы поцелуем, требуя замолчать.

Он до смерти боялся, что если услышит это вновь, то окончательно потеряет рассудок.

Теперь же Цзян Чуан слушал любой его лепет с искренним восторгом – звал ли тот его «генералом» или «супругом».

Пусть Вэнь Цзюэ называет его как душе угодно, лишь бы больше не выглядел тем изнуренным, умирающим призраком. На большее генерал и не претендовал.

Даже если этот лис плетет вокруг него интриги, все, чего он добивается – лишь малая толика власти и защиты. Цзян Чуану стоило радоваться: по крайней мере, у него есть то, в чем Чжияй так отчаянно нуждается.

Ведь если бы на его месте оказался кто-то другой, Цзян Чуан искусал бы локти от раскаяния.

Цзян Чуан с ледяной миной первым запрыгнул в экипаж, проигнорировав слова мужа. Вэнь Цзюэ наощупь нашел край занавеса и не спеша забрался следом.

Стоило тяжелому положу опуститься, а колесам застучать по мостовой, как генерал тут же сгреб супруга в охапку и виновато зашептал:

— Я только что притворился, исключительно ради соглядатаев паршивого императора! Хороший мой Чжияй, не сердись на меня!

Вэнь Цзюэ опешил от неожиданных объятий, но еще сильнее его напугало дерзкое упоминание правителя. Он мгновенно посерьезнел, схватил мужа за плечи и строго прошепел:

— У стен есть уши! Не смей так распускать язык!

Цзян Чуан виновато улыбнулся:

— Виноват, твой муж кругом виноват.

Вэнь Цзюэ помолчал несколько секунд, чутко вслушиваясь в уличный шум снаружи, и лишь убедившись, что их никто не подслушал, с облегчением выдохнул.

— Почему ты... — начал было он, но вовремя прикусил язык, понимая, что сейчас неподходящее время для расспросов.

Цзян Чуан поспешил его успокоить:

— Вот вернемся домой, запрем двери, и я расскажу тебе все, что ты пожелаешь знать. Договорились?

Вэнь Цзюэ посмотрел на него с сомнением, но тут же принял привычный понимающий вид:

— Пожалуй, не стоит. Если это доставит тебе трудности, я лучше обойдусь без лишних расспросов.

Он прибег к излюбленному приему уступок ради выгоды. Цзян Чуан сразу раскусил эту

нехитрую уловку и весело отозвался:

— Ладно, раз так, то и рассказывать не буду.

Вэнь Цзюэ: ...

Цзян Чуан сделал вид, будто не заметил замешательства супруга, и бесцеремонно сменил тему:

— Там... все еще болит?

«Пусть помучается. Будет знать, как говорить со мной загадками».

Вэнь Цзюэ заметно опешил и лишь через мгновение понял, о чем идет речь. Как бы искусно ни притворялся этот маленький лис, его щеки тут же залил густой румянец.

<http://bllate.org/book/20326/2029317>